оригинальная статья

Анализ категории адмиративности с оценкой возможности и побуждения в русских и персидских вопросительных предложениях

Табассом Хакрах Кахнамуи

Тегеранский университет, Тегеран, г. Иран; <https://orcid.org/0000-0001-7835-3680>; t.khakrah@gmail.com

Амир Алиасгар Хоссейни

Тегеранский университет, Тегеран, г. Иран

Поступила в редакцию 23.08.2021. Принята после рецензирования 15.11.2021. Принята в печать 29.11.2021.

Аннотация: Категория косвенной эвиденциальности в русском и персидском языках указывает на недостоверный источник информации. Категория адмиративности отражает неожиданную и новую информацию, получаемую участником речевого акта. Вопросительные предложения, как правило, употребляются для передачи категории адмиративности и разных модальных значений. Определить эти значения в русских вопросительных предложениях иногда оказывается сложным для иностранных студентов, изучающих русский язык как иностранный. Актуальность нашего исследования состоит в анализе и сравнении русских и персидских вопросительных предложений и языковых средств, выражающих категорию адмиративности с оттенками модальных значений возможности и побуждения. Научная новизна заключается в отсутствии работ по изучению категории адмиративности в персидском языке, не существует научного исследования, в котором сравниваются категории адмиративности в русских и персидских вопросительных предложениях. Более того, связь адмиративности с модальными значениями возможности и побуждения в русских и персидских вопросительных предложениях не была раньше подробно рассмотрена в подробностях. Цель – показать на языковом материале выражение значений адмиративности в русских и персидских вопросительных предложениях, а также рассмотреть ситуации, в которых это значение выражает чувство удивления говорящего от наличия или отсутствия возможности для осуществления определенного действия. В данной статье мы стараемся указать у субъекта речевого акта на чувство побуждения, которое выражается иногда помимо значения адмиративности в русских и персидских вопросительных предложениях. Задачами нашего исследования являются сравнение категории адмиративности в двух языках и рассмотрение ее в русских и персидских вопросительных предложениях, передающих модальные значения возможности или побуждения. Проанализированы языковые средства, используемые в вопросительных предложениях для передачи вышеназванных значений в двух языках. Полученные результаты могут быть использованы при обучении русскому языку как иностранному с целью интерпретации замысла говорящего. Кроме того, результаты данного исследования могут оказать содействие студентам в восприятии и переводе русских и персидских вопросительных предложений, отражающих значение адмиративности с оценками возможности и побуждения.

Ключевые слова: русский язык, персидский язык, эвиденциальность, вопросительные конструкции, значение возможности, значение побуждения

Цитирование: Хакрах Кахнамуи Т., Хоссейни А. А. Анализ категории адмиративности с оценкой возможности и побуждения в русских и персидских вопросительных предложениях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1096–1103. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1096-1103>

Введение

Модальность рассматривается с различных точек зрения на уровне предложения или дискурса. На протяжении длительного времени модальные отношения привлекают к себе внимание многих исследователей [1, с. 43; 2–4; 5, р. 105–139]. Большинство лингвистов изучают модальность как функционально-самантическую категорию, которая традиционно воспринимается как отношение высказывания к действительности и говорящего к высказыванию [6, с. 400; 7, с. 321].

Американский лингвист Ф. Боас был первым языковедом, который определил эвиденциальность как универсальную грамматическую категорию, в разных языковых системах обладающую обязательными и необязательными грамматическими формами выражения. На материале

русского языка категорию эвиденциальности рассматривал Р. О. Якобсон [8]. И. А. Мельчук [9], В. А. Плунгян [10], Н. А. Козинцева [11], Г. Лазард [12] и др. изучили языковые средства для выражения значения эвиденциальности в разных языках.

В персидском языке некоторые исследователи рассматривали время и вид глагола в качестве языковых единиц, используемых иногда для выражения значения эвиденциальности [13, р. 86].

Однако, в двух указанных языках не существует особых языковых средств выражения значения эвиденциальности. Это значение указывает на источники сообщения, получаемые говорящим посредством его собственных наблюдений, личного опыта или чужих сведений. Таким образом,

эта категория подразделяется на прямую и косвенную эвиденциальность.

Адмиративность как косвенная эвиденциальность в русском и персидском языках выражает эмоциональные чувства неожиданности у субъектов речевых актов, иногда связана с разными семантическими значениями, например, возможности и побуждения. Мы намерены в этом исследовании рассмотреть и сравнить лингвистические характеристики некоторых русских и персидских вопросительных предложений, используемых для передачи значений адмиративности, возможности и побуждения.

Методы и материалы. Материалом послужили вопросительные предложения из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и произведения персидского художественного творчества В. Фариба «Луна становится полной». Среди всех примеров были выбраны вопросительные предложения, передающие значения адмиративности с оценкой возможности или побуждения. В ходе нашего исследования на основе сопоставительного анализа были изучены психические, ментальные и коммуникативные особенности каждого участника речи с целью выявления лингвистических и экстралингвистических языковых средств выражения указанных семантических значений в русских и персидских вопросительных предложениях.

Результаты

Категория эвиденциальности в области рамочных значений используется для выражения источника информации [11, с. 92]. Участник речевого акта при выражении категории эвиденциальности играет существенную роль. При помощи своего визуального, сенсорного, предположительного или слухового знания он оформляет источник своего сообщения [14, р. 3; 15; 16, с. 592; 17].

По мнению Н. А. Козинцевой, субъект речевого акта при выражении прямой эвиденциальности указывает на источники информации, извлекаемые из его памяти или его собственных сведений. В данном случае говорящий является уверенным в том, что событие действительно происходит / происходило. Однако косвенная эвиденциальность выражает сведения, полученные «от другого лица (сны, откровения, слухи, догадки, предположения)» [11, с. 92].

Значение эвиденциальности в русском и персидском языках выражается различными языковыми средствами, используемыми субъектом речевого акта. Например, частицы *мол* (миگویند), *де* (миگویند) и т. п. могут употребляться для выражения значения не прямой эвиденциальности: *Мол, можно я пример приведу из нашего с тобой личного опыта?* – *میگویند که میشه من یه مثال از تجربه شخصیمان بزنم؟*. В некоторых случаях спрягаемая форма глагола *говорят* (миگویند) в простых односоставных неопределенно-личных предложениях указывает на значение не прямой эвиденциальности: *Многие говорят, что это великий фильм о Родине* – *خیلیها میگویند که این فیلم بزرگ درخصوص وطن است*. В другом случае безличный глагол *кажется* (به نظر)

می‌رسد) указывает на значение не прямой эвиденциальности [18, с. 88–89]: *Мне вообще кажется, что у Рязанова невозможно сыграть плохо!* – *به طور کلی به نظرم غیر ممکن است که در جوار ریزانوا بد بازی کرد*. В персидском языке, как и в русском, для передачи значения не прямой эвиденциальности можно использовать лексические и грамматические единицы, в том числе односоставное неопределенно-личное предложение *говорят* (миگویند), вводное слово *кажется* (به نظر) и др.

В других случаях в персидском языке форма наклонения глагола играет существенную роль при выражении значения эвиденциальности. Используя форму изъявительного наклонения, говорящий иногда выражает значение прямой эвиденциальности:

دیدم، سهراب چطور فوتبال بازی می کرد [114-115, صفحه 19] – *Я увидела, как Сохраб играл в футбол*.

В то время как форма сослагательного наклонения глагола в персидском языке контекстуально выражает значение не прямой эвиденциальности:

شاید، باران میبارید [114–115, صفحه 19] – *Наверное, пошел бы дождь*.

Видно, что наличие вводного слова *شاید* (наверное) в первом предложении, помимо формы сослагательного наклонения глагола *میبارید* (пошёл бы) в обоих языках, передает суждение участника речевого акта.

Между прочим, по Г. Лазарду, в персидском языке иногда вид глагола в связи с наклонением выражает значение эвиденциальности [12].

Согласно А. Omidvari и А. Golfam, форма совершенного вида глагола в персидском языке указывает на тот момент, когда действие полностью осуществилось, в то время как форма несовершенного вида глагола выражает процессуальное значение. Например, в предложении *علی پاریز را زد* (Али побил Парвиза) говорящий в персидском языке использует глагол в форме совершенного вида [13, р. 70–74] и в то же время указывает на значение не прямой эвиденциальности. В приведенном предложении неясно, откуда субъекту речевого акта было известно, что Али побил Парвиза. Однако при употреблении глагола в форме несовершенного вида [13, р. 72] в предложении *علی پاریز را می زد* (Али бил Парвиза) можно указывать на тот факт, что контекстуально говорящий сам был наблюдателем данного события, т. к. в этом предложении глагол *زدن* (бить) употребляется в форме несовершенного вида. Однако в русском языке невозможно определить ситуации, в которых видовые формы глагола являются главными показателями значений не прямой эвиденциальности.

Противопоставляются субъективные и объективные значения. Объективные значения указывают на действительность, а субъективные модальные значения выражают отношение говорящего к определенной действительности [20, с. 94]. Согласно Ш. Балли, эти элементы называются диктумом и модусом [21, с. 43]. Под диктумом понимается какое-то событие, относящееся к внешнему миру

говорящего: *вот машина* (اینهاش ماشین), или иногда эти события принадлежат к самому субъекту речевого акта: *Меня толкнули* (من را هل دادند). Говорящий как участник речевого акта выражает свою мыслительную операцию: *Здесь хорошо* (اینجا خوب است). Эти операции обозначают иногда наименование субъекта (или предмета): *Девушку зовут Анна* (اسم این دختر آنا است) – или его квалификацию и др.: *Он – учитель* (او آموزگار است). Субъективные значения исходят от самого участника речевого акта (*Я сыграл бы теперь чтонибудь*) или от любого другого субъекта (*Иван Иванович хочет приехать*) [20, с. 94; 22, с. 679, 686].

Необходимо подчеркнуть, что категория эвиденциальности тесно связана с субъективными и объективными модальными значениями. Следовательно, эвиденциальность не только указывает на источник сообщаемого факта, но и лексически, грамматически и интонационно выражает субъективное отношение участника речевого акта к определенному предмету или явлению в действительности.

Субъективное значение или модус в современном русском языке обозначает желание, побуждение и целесобразность говорящего по отношению к осуществлению действия. Объективное значение или диктум в связи с субъективным значением указывает на состояние, ситуацию и действие, наличие которых является необходимым, возможным, неизбежным, нужным для выражения субъективного значения. Между тем объективное значение наблюдается в структуре предикативной единицы, т. к. названное значение образует основу предикативной конструкции [23, с. 373; 24, с. 8–9; 25, с. 234–235]. Уже ясно, что для выражения вышеназванных модальных значений в русском языке используются вводные компоненты *вероятно* (احتمالا), *может быть* (شاید) и др., спрягаемые формы модальных глаголов, частицы и даже инфинитив.

В нашем случае субъективные и объективные модальные значения взаимосвязаны со значением эвиденциальности. Эти значения в русских вопросительных предложениях выражаются лексическими и морфологическими языковыми средствами.

Известно, что вопросительные предложения выражают вопрос и предполагают ответ в русском и персидском языках с помощью порядка слов, вопросительной интонации, вопросительных местоимений *кто* (چه کسی), *что* (چه چیزی), вопросительных наречий *когда* (چه زمانی), *где* (کجا), *как* (چگونه) и вопросительных частиц *неужели*, *разве*, *ли*. Вопросительное предложение в зависимости от его коммуникативной функции и семантической особенности может иногда ожидать ответа на вопрос (*Вы скоро придете?* – شما بزودی میرسید؟) или быть риторическим вопросом без ответа (*За что им меня любить?* – برای چی باید من را دوست داشته باشد?). Кроме того, вопросительное предложение иногда включает в себя отрицательное, утвердительное и побудительное значения [26, с. 371, 372].

Говорящий в качестве языковой личности при выражении вопросительных предложений размышляет, догадывается

или иногда удивляется от того, что случилось, т. е. субъект речевого акта отражает свою эмоциональную реакцию на то, что было сказано.

Адмиративность как один из видов категории непрямой эвиденциальности выражает эмоциональные чувства говорящего. Эта категория отражает модальные значения сомнения, неодобрения и удивления. Субъект речевого акта получает новую информацию о естественном ходе событий. Следовательно, говорящий чувствует интеллектуально-психологическое состояние неожиданности [27, с. 303; 28, с. 151].

Адмиративное значение, как отмечает А. А. Савченко, в разных языках выражается по-разному. Данное значение в некоторых языках выражается морфологическими средствами, а в других – не морфологическими, а лексико-грамматическими фразеологизмами, вводными словами. Вопросительное предложение как синтаксическое средство иногда служит для передачи эмоциональной реакции участника речевого акта на предшествующее высказывание [28, с. 151]. В этом случае с помощью вопросительного предложения говорящий старается получить больше знаний о всех новых событиях и предметах в действительности. Сравните:

1. *Ну как же ты не дик? Чем же объяснить то, что ты вдруг исчез из Москвы?* = Ну как же ты не можешь быть диким? Чем же можешь объяснить то, что ты вдруг исчез из Москвы?

خب پس چطوری تو وحشی نیستی؟ چگونه توضیح میدهی که ناگهان از مسکو ناپدید شدی؟ = خب پس چطوری تو نمیتوانی که وحشی باشی؟ چگونه میتوانی توضیح دهی که ناگهان از مسکو ناپدید شدی؟

2. *Насколько же это опоздал поезд?* = Насколько же это поезд мог опоздать?

چقدر پس این قطار تاخیر داشت؟ چقدر پس این قطار میتواند تاخیر داشته باشد؟

3. *Неужели я скажу ему, что я его не люблю?* = Неужели я могу сказать ему, что я его не люблю?

واقعا من بگویم که او را دوست ندارم؟ = واقعا من میتوانم بگویم که او را دوست ندارم؟

4. *Я так и скажу?* = Я так и могу сказать?

من اینطوری بگویم؟ = من اینطوری میتوانم بگویم؟

В данных предложениях легко можно заметить чувство удивления говорящего как субъекта речевого акта. В первом и во втором примерах частица *же* со значением утверждения в сочетании с вопросительными местоимениями *как*, *чем*, *насколько* и наречием *вдруг* указывает на объективное значение возможности. Говорящий в первом примере удивляется от поступка своего собеседника и называет его диким, к тому же субъект речевого акта не может понять, почему вдруг его собеседник исчез из Москвы. Во втором примере контекстуально можно указывать на чувство неожиданности у субъекта речевого акта. Он не ожидал, что поезд мог сильно опоздать. В этом предложении также можно рассмотреть наличие значения невозможно-

сти. Можно подчеркнуть, что в этих примерах значения возможности / невозможности описывается в качестве предпосылок для достижения чего-либо возможного [29, с. 6; 30, с. 119; 31, с. 70]. Кроме того, это значение объясняется как уверенность говорящего в появляющихся в своей голове мыслях о наличии возможных условий для достижения цели [32, с. 205; 33, с. 47]. В третьем примере при наличии частицы *неужели* субъект речевого акта выражает свое эмоциональное чувство удивления, он не может представить, что скажет герою романа, что не любит его. В четвертом примере участник речевого акта при помощи наречия *так* интонационно и контекстуально указывает на отсутствие у него возможности сказать герою романа о том, что случилось. Во всех примерах передаются значения адмиративности и модальное значение возможности.

В персидском языке специальные языковые средства выражения модального значения возможности редко являются предметом иранских исследований [34, с. 143]. Для передачи этого значения на персидский язык больше всего используются модальные слова и модальные глаголы со значением возможности: *میتوان* (можно), *میشود* (можно, возможно), *امکان دارد* (можно, возможно) и т. п. Однако в вышеуказанных примерах для выражения значения адмиративности с оценкой возможности в персидском языке можно использовать вопросительные местоимения *چطوری* (как), *چگونه* (чем), *چقدر* (насколько), частицы *پس* (же), *واقعاً* (неужели) и наречия *ناگهان* (вдруг), *اینطوری* (так). Эти предложения в двух языках могут быть синонимами с конструкциями, в которых эксплицитно функционируют спрягаемая форма глагола *мочь* (*توانستن*) и модальное наречие *можно* (*میتوان*) со значением возможности.

Адмиративность в персидском языке никогда не была предметом исследования лингвистов. На основе нашего анализа эта категория в персидском языке, как и в русском, выражает чувство удивления у говорящего. Субъект речевого акта обычно при наблюдении неожиданных и случайных событий удивляется и использует какие-либо языковые средства. Например, иногда для выражения значения адмиративности в персидском языке используются говорящим вопросительные предложения:

فکرهايت را کرده ای؟ برای چی می روی

– А, чего она хотела? = А чего она могла хотеть?

چرا متوجه نیستی خانم؟ چرا نمیتوانی متوجه شوی خانم؟

– Зачем (почему) вам не понятно, госпажа? = Зачем вы не можете понять, госпажа?

В приведенных персидских вопросительных предложениях значения адмиративности и возможности отражаются говорящим средствами частицы *اما*, вопросительных местоимений *چه* и *چرا* и вопросительной интонации. Они указывают на удивление участника речевого акта. В первом примере он удивляется, т. к. не ожидал такой реакции от героя, т. е. субъект речевого акта не знал, чего хотел герой рассказа. Говорящий в этом предложении думает

о всех возможных предметах, которые могут отвечать на все просьбы героя.

Во втором примере говорящий, используя вопросительное местоимение *چرا*, интонационно и контекстуально выражает свое удивление от того, что случилось. Участник речевого акта считает, что его собеседнику невозможно ничего понять.

Для выражения этих значений в русском языке используются частица *а* (*اما*), вопросительные местоимения *чего* (*چه*), *почему* (*چرا*), *зачем* (*چرا*); присоединительно-усилительный союз *а*, который употребляется в начале вопросительных и восклицательных предложениях для усиления значений адмиративности и возможности.

В следующих примерах субъект речевого акта с помощью вопросительных местоимений *что*, *как* и спрягаемой формы модального глагола *можешь* побуждает своего собеседника пойти в первом примере и задуматься о своем отношении к делу – во втором:

1. Пошли! *Что* ты стоишь? – برویم! چرا تو ایستاده ای؟

2. Как ты можешь относиться к этому серьезно? – چگونه میتوانی این کار را جدی انجام دهی؟

Эти вопросительные конструкции интонационно, помимо значения побуждения, выражают значения возможности / невозможности и чувства удивления участника речевого акта. Таким образом, в этих примерах отражаются значения побуждения, возможности и категории адмиративности, которые в персидском языке, как и в русском, переводятся посредством вопросительных местоимений *چرا* (*что*), *چگونه* (*как*) и спрягаемой формы модального глагола *میتوانی* (*можешь*).

В персидском языке для передачи модального значения побуждения, желания и др. используется повелительное или сослагательное наклонения [35, с. 61; 36, صفحه 381; 37, صفحه 61]. Однако в нашем случае интонационно и при помощи вопросительных местоимений, частицы и т. д. можно отражать значение побуждения в категории 1 адмиративности. Сравните:

2. فکرهايت را کرده ای؟ برای چی می روی؟

– Ты принял решение? *Зачем* уезжаешь?

یعنی تو خوشبختی من را نمیخواهی؟

– *Значит*, ты не хочешь моего счастья?

Используя вопросительное местоимение *برای چی*, вводное слово *یعنی*, говорящий в персидских вопросительных предложениях интонационно удивляется и побуждает своего собеседника к какому-либо определенному действию. Эти значения в русском языке передаются посредством интонации, вопросительного местоимения *зачем* (*برای چی*) и вводного слова *значит* (*یعنی*).

Заключение

Вопросительные предложения функционируют как языковые средства для передачи адмиративности и в русском, и в персидском языках. Более того, иногда в зависимости от контекста категория адмиративности связана с неко-

торыми субъективными и объективными модальными значениями, такими как возможность и побуждение. Для выражения удивления говорящего о наличии или отсутствии возможности осуществления действия в русских и персидских вопросительных предложениях можно использовать одинаковые языковые единицы, такие как частицы *же* (پس), *неужели* (واقعا), спрягаемую форму модального глагола *мочь* (توانستن), вопросительные местоимения *как* (چطوری), *чем, как* (چگونه), *насколько* (چقدر), *чего* (چه), *почему* (چرا), *зачем* (چرا) и наречия *вдруг* (ناگهان), *так* (اینطوری). Кроме того, для выражения адмиративности с оценкой побуждения интонационно можно использовать вопросительные местоимения *что* (چرا), *как* (چگونه), *зачем* (برای چی), вводное слово

значит (یعنی) и спрягаемую форму модального глагола *можно* (میتوان). Следовательно, для передачи значения адмиративности в русском и персидском языках можно использовать лексико-грамматические конструкции, выражающие эмоциональное чувство удивления говорящего.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Вклад Хакрах Кахнамуи Табассом в качестве главного автора этой статьи заключается в формировании темы статьи, ее подготовки и написании. Хоссейни Алиасгар Амир участвовал в обсуждении темы статьи, в подготовке примеров и их переводов.

Литература

1. Клочкова Е. С., Евтушенко Т. Г. Особенности реализации модальных значений необходимости и эпистемической возможности в русском и китайском языках // *Litera*. 2021. № 2. С. 42–52. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.2.34928>
2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // *Исследования по русской грамматике*: Избр. тр. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
3. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: URSS, 2020. 200 с.
4. Palmer F. R. Mood and modality. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 236 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139167178>
5. Hyland K. Hedging in scientific research articles. Amsterdam-N. Y.: John Benjamins Publishing, 1998. 314 p. <https://doi.org/10.1075/pbns.54>
6. Базоркина Х. Б., Барахоева Н. М. К вопросу о модальных показателях эвиденциальных значений в ингушском языке // *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 3. С. 400–402. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-400-402>
7. Астащенко Е. В. Контекстные особенности ирреальной модальности в русском языке // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10. № 1. С. 321–326. <https://doi.org/10.26140/bgj3-2021-1001-0076>
8. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя* / сост. и предисл. О. Г. Ревзиной. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
9. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Морфологические значения. М.: Языки рус. культуры; Вена: Кошелев, 1998. 544 с.
10. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: УРСС Эдиториал, 2000. 384 с.
11. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // *Вопросы языкознания*. 1994. № 3. С. 92–104.
12. Lazard G. Le mediatif en Persian // *L'énonciation médiatisée* / ed. Zlatka Guentcheva. Louvain Paris: Peeters, 1996. P. 22–30.
13. Omidvari A., Golfam A. The study of evidentiality in Persian: a typological approach // *Language related research*. 2017. Vol. 8. № 1. P. 79–99.
14. Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.
15. Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии* / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632.
16. Хоссейни А. А., Хакрах Кахнамуи Т. Многофункциональные слова со значениями инференциальности, адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 2. С. 591–598. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-591-598>
17. Скоробач Н. Ю. Категория эвиденциальности как средство формирования модальности сомнения в текстах публицистического дискурса // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2020. № 4. С. 134–139.
18. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2005. № 1. С. 86–98.
19. 99–120. صفحه 2. شماره 4. جلد 4. 2020. *تحليل معنایی گواه نمایی در زبان فارسی و گویشهای ایرانی*. <https://doi.org/10.22124/plid.2019.11631.1318>
20. Захраи С. Х. Типы диктальных значений русских падежных форм // *Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji*. 2005. № 19. P. 93–106.

21. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
22. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.
23. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.
24. Ваулина С. С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 8. С. 7–12.
25. Эслон П. А. Проблема разграничения модальных значений // Труды по русской и славянской филологии. 1997. № 1. С. 233–248.
26. Современный русский язык / под ред. Е. И. Дибровой. М.: Академия, 2008. Ч. II. 616 с.
27. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 2002. С. 303–304.
28. Савченко А. А. Некоторые структуры вопросительных реплик (на материале переводов с французского языка на русский) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 1. С. 151–157.
29. Федорова И. Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет). Калининград: Изд-во КГУ, 2000. 85 с.
30. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 216 с.
31. Будильцева М. В., Денисова А. П. О средствах выражения модальных значений возможности и предположительности в испанском языке в сопоставлении с русским // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. 2012. № 1. С. 69–79.
32. Перфильева Н. П. «Надежда» как модальная категория // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 201–211. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.16>
33. Поддубная Н. Н. Специфика реализации категории модальности в комическом тексте (на примере шванка российских немцев) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2. С. 45–54. <https://doi.org/10.17223/19986645/34/5>
34. Тайебианпур Ф., Валипур А. Средства выражения модального значения возможности в персидском языке // ВВ: Филологические исследования. 2014. № 2. С. 129–143. <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2014.2.12190>
35. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Вост. лит., 2001. 600 с.
36. غلامرضا ارزنگ. دستور زبان فارسی امروز. تهران. نشر قطره. 1373. 186 صفحه
37. مهدی مشکوه الدینی. دستور زبان فارسی: بر پایه نظریه گشتاری. مشهد. انتشارات دانشگاه فردوسی مشهد. 1366. 240 صفحه

original article

Admirative Category with an Assessment of Possibility and Motivation in Russian and Persian Interrogative Sentences

Tabassom Khakrah Kahnamouei

University of Tehran, Tehran, Iran; <https://orcid.org/0000-0001-7835-3680>; t.khakrah@gmail.com

Amir A. Hosseini

University of Tehran, Tehran, Iran

Received 23 Aug 2021. Accepted after peer review 15 Nov 2021. Accepted for publication 29 Nov 2021.

Abstract: In Russian and Persian, the category of indirect evidentiality points out to some unreliable source of information. The category of admirativity expresses unexpected and new information gained by the speaker. Such interrogative sentences convey combine admirativity with different modal meanings. Foreign students of Russian often find it hard to distinguish these meanings in Russian interrogative sentences. The authors compared Russian and Persian interrogative sentences and the linguistics tools that reflect the admirative category with an assessment of modal meanings of possibility and motivation. This is the first research of the category of admirativity in the Persian language and the first publication on the comparison of Russian and Persian interrogative sentences, as well as on the relationship between admirativity and modal meanings in Russian and Persian interrogative sentences. The research objective was to perform a comparative analysis of admirativity in Russian and Persian interrogative sentences and to study the situations in which this meaning conveys the surprise of the speaker from the availability or lack of possibility to perform a certain action. In both languages, admirativity can accompany the feeling of motivation in the subject of the speech act. The findings can be useful in teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Russian language, Persian language, evidentiality, interrogative structures, possibility meaning, motivation meaning

Citation: Khakrah Kahnamouei T., Hosseini A. A. Admirative Category with an Assessment of Possibility and Motivation in Russian and Persian Interrogative Sentences. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1096–1103. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1096-1103>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: Tabassom Khakrah Kahnamouei supervised the project, developed the research topic, and wrote the manuscript. Amir Hosseini discussed the research topic, worked with the research material, and translated the examples.

References

1. Klochkova E. S., Evtushenko T. G. The peculiarities of realization of modal values of necessity and epistemic possibility in the Russian and Chinese languages. *Litera*, 2021, (2): 42–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.2.34928>
2. Vinogradov V. V. Modality and modal words in Russian. *Studies in the Russian grammar: Selected works*. Moscow: Nauka, 1975, 53–87. (In Russ.)
3. Lomtev T. P. *Sentence and its grammatical category*. Moscow: URSS, 2020, 200. (In Russ.)
4. Palmer F. R. *Mood and modality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 236. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139167178>
5. Hyland K. *Hedging in scientific research articles*. Amsterdam-N. Y.: John Benjamins Publishing, 1998, 314. <https://doi.org/10.1075/pbns.54>
6. Bazorkina Kh. B., Barakhoeva N. M. To the question of modal indicators of evidential values in the Ingush language. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2021, (3): 400–402. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-400-402>
7. Astashchenko E. V. Contextual features of the irreal modality in the Russian language. *Baltic Humanitarian Journal*, 2021, 10(1): 321–326. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/bg3-2021-1001-0076>
8. Jakobson R. O. Shifters, Verbal categories, and the Russian verb. *Principles of typological analysis of different language structures*, comp. Revzina O. G. Moscow: Nauka, 1972, 95–113. (In Russ.)
9. Melchuk I. A. *A course in general morphology. Vol. 2. Morphological values*. Moscow: Iazyki rus. kultury; Vienna: Koshelev, 1998, 544. (In Russ.)
10. Plungian V. A. *General morphology: An introduction to the problem*. Moscow: URSS Editorial, 2000, 384. (In Russ.)
11. Kozintseva N. A. Category of evidentiality (problems of typological analysis). *Voprosy Jazykoznanija*, 1994, (3): 92–104. (In Russ.)
12. Lazard G. *Le médiatif en persan. L'énonciation médiatisée*, ed. Zlatka Guentcheva. Louvain Paris: Peeters, 1996, 22–30.
13. Omidvari A., Golfam A. The study of evidentiality in Persian: a typological approach. *Language related research*, 2017, 8(1): 79–99.
14. Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004, 480.
15. Xrakovskij V. S. Evidentiality, epistemic modality, and admiration. *Evidentiality in European and Asian languages*, ed. Xrakovskij V. S. St. Petersburg: Nauka, 2007, 600–632. (In Russ.)
16. Hosseini A. A., Khakrah Kahnamouei T. Multifunctional words of inference and admiration in Russian and Persian exclamatory sentences. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 591–598. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-591-598>
17. Skorobach N. Yu. The category of evidence as a means of the development of the doubt modality in the texts of publicistic discourse. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2020, (4): 134–139. (In Russ.)
18. Kobrina O. A. Category of evidentiality: its status and forms of expression. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2005, (1): 86–98. (In Russ.)
19. Gandomkar R. Semantic analysis of category of evidentiality in the Persian language. *Persian Language and Iranian Dialects*, 2020, 4(2): 99–120. (In Pers.) <https://doi.org/10.22124/plid.2019.11631.1318>
20. Zahraee S. H. Types of dictal meanings of Russian case forms. *Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji*, 2005, (19): 93–106. (In Russ.)
21. Bally Ch. *General linguistics and French language issues*. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1955, 416. (In Russ.)
22. *Modern Russian language*, ed. Beloshapkova V. A. Moscow: Vyssh. shk., 1989, 800. (In Russ.)
23. *Russian grammar. Vol. 2: Syntax*, ed. N. Yu. Shvedova. Moscow: Nauka, 1980, 709. (In Russ.)
24. Vaulina S. S. Modality as a communicative category: some debatable aspects of research. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2013, (8): 7–12. (In Russ.)
25. Eslon P. A. Problem of differing different modal meanings. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii*, 1997, (1): 233–248. (In Russ.)
26. *Modern Russian language*, ed. Dibrova E. I. Moscow: Akademiia, 2008, pt. II, 616. (In Russ.)

27. Lyapon M. V. *Modality. Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: BRE, 2002, 303–304. (In Russ.)
28. Savchenko A. A. Some structures of interrogative (ad)mirative replications (based on the translation from French to Russian). *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 2012, (1): 151–157. (In Russ.)
29. Fedorova I. R. *The modality of possibility in Russian language (on the material of newspaper)*. Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2000, 85. (In Russ.)
30. Zelenshchikov A. V. *Proposition and modality*. Moscow: LIBROKOM, 2010, 216. (In Russ.)
31. Budiltseva M. V., Denisova A. P. The means to express possibility and supposition in Spanish compared to the Russian language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2012, (1): 69–79. (In Russ.)
32. Perfilova N. P. Hope as a modus category. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, (6): 201–211. (In Russ.) <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.16>
33. Poddubnaya N. N. Specificity of modality representation in the comic text of the Russian Germans schwank. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2015, (2): 45–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/34/5>
34. Tayebniapour F., Valipour A. Methods of expressing modal meaning of possibility in Persian language. *NB: Filologicheskie issledovaniia*, 2014, (2): 129–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2014.2.12190>
35. Rubinchik Iu. A. *Modern grammar of the Persian literary language*. Moscow: Vost. lit., 2001, 600. (In Russ.)
36. Arjang A. *The modern Persian grammar*. Tehran: Ghatre, 1994, 186. (In Pers.)
37. Meshkato Dinm M. *Persian grammar: based on the transformational grammar*. Meshhad: Ferdowsi university of Mashhad, 1985, 240. (In Pers.)